

Гоголь: парадоксы интерпретации

М.А. Ростоцкая

кандидат искусствоведения

«Гоголь: парадоксы интерпретации» – так называлось заседание дискуссионного клуба «Парадоксы современной художественной культуры», которое прошло в ноябре 2009 года. Поводом стал 200-летний юбилей великого писателя. Тайна творчества, жизни и смерти Гоголя, новые интерпретации его книг и судьбы стали предметом дискуссии. Участникам были представлены – фильм доцента кафедры режиссуры Д. Демина «Гоголь: портрет загадочного гения» и отчет о выставке в Риме действительного члена Российской академии художеств, народного художника России, профессора ВГИКа С.А. Алимова. В центре обсуждения были две культурологические проблемы: что такое художественная мысль и как соотносится творчество писателя с его биографией, т.е. с обыденной жизнью.

Гоголь,
творчество,
биография,
интерпретация

Дискуссионный клуб «Парадоксы современной художественной культуры» начал работать во ВГИКе еще в октябре 2009 года. Инициатором этой акции стала кафедра эстетики, истории и теории культуры, точнее – ее заведующий, президент ВГИКа, доктор философских наук, профессор А.В. Новиков. Интерес студентов и педагогов вызвала тема первого заседания – «Постмодернизм и псевдопостмодернизм в России», особенно потому, что предметом развернувшейся полемики были выступления авторитетных специалистов по эстетике и литературе постмодерна: главного научного сотрудника Института философии РАН, профессора ВГИКа Н.Б. Маньковской, доцента Института русского языка имени А.С. Пушкина П.Е. Спиваковского.

Темой же ноябрьского заседания стал Гоголь – не только тайна творчества, жизни и смерти писателя, бурная волна интереса к которому была поднята 200-летним юбилеем, но, главное, – новые интерпретации его книг и судьбы. Известно, что во ВГИКе есть уникальные знатоки, вложившие свою лепту в напряженные попытки понять Гоголя.

В год юбилея вышел в свет фильм «Гоголь: портрет загадочного гения», ставший итогом многолетних усилий режиссера Д. Демина постичь сновидческий мир гоголевской литературы, мистические тайны судьбы писателя; картина основана исключительно на документальных свидетельствах современников и текстах самого Гоголя. Большой успех у зрителя snискал вгиковский спектакль «Э!» по «Ревизору» (мастерская И.Н. Ясуловича, режиссер Г.А. Лифанов), спектакль получил Гран-при V Международного театрального конкурса, проходившего в рамках 29 Международного фестиваля ВГИК (2009). К тому же два осенних месяца 2009 года – октябрь и ноябрь – в Риме, в шести залах знаменитого Замка святого Ангела проходила выставка «Гоголь в иллюстрациях Сергея Алимова». Все эти события и легли в основу ноябрьских обсуждений Дискуссионного клуба.

Предлагаем фрагменты этого заседания.

После просмотра фильма о Гоголе реж. Д.И. Демина А.В. Новиков, поприветствовав участников, предложил открыть заседание действительному члену Российской академии художеств, народному художнику России С.А. Алимову.

С.А. Алимов, профессор ВГИКа: В этом году я участвовал во многих выставках, посвященных Н.В. Гоголю, но в выставке в Риме мои работы были представлены впервые.

Это огромный проект «Дни Гоголя в Риме», который готовился на высочайшем уровне: при участии министерств культуры и России, и Италии. Мне было предложено представить там свою выставку, потому что я уже много лет работал с творчеством Гоголя, иллюстрировал его произведения, оформлял гоголевский спектакль – «Ночь перед Рождеством» в Государственном академическом Центральном театре кукол имени С.В. Образцова. Когда-то мы с Геннадием Шпаликовым задумали сделать мультипликационный фильм по «Носу», но, к сожалению, реализовать нам его не разрешили, как сейчас помню, даже отказ сохранился: товарищ Павленок не счел нужной эту тему для нашей мультипликации. Я же продолжал работать над этой темой. Так что я повез на выставку в Рим серию иллюстраций к «Мертвым душам», декорации и эскизы кукол к спектаклю «Ночь перед Рождеством» и серию станковых листов к «Носу».

В Риме было запланировано огромное действо. В театральном музее Буркардо открылась уникальная выставка Бахрушинского музея, привезшего великолепную коллекцию эскизов декораций, подлинные костюмы, в которых играли когда-то великие русские актеры; привезли и полотна художников XIX века, – Дмитриева, Кустодиева, наших современных известных мастеров, таких

Рисунок
С.А. Алимова

как Левенталь, Бенедиктов, Воровский, – очень мощная выставка! Не менее интересной была выставка Исторического музея: были показаны не только подлинные экспонаты XIX века, но даже вещи, принадлежавшие Николаю Васильевичу. И еще... Национальный киноархив совместно с Госфильмофондом России провел акцию показа фильмов, начиная с немого кино, дореволюционного, и кончая суперсовременным, от «Тараса Бульбы» до современной итальянской версии «Носа».

Моя выставка располагалась в музее Замка св. Ангела. Для меня это и важно, и радостно – самый центр Рима... Этот замок был построен императором Адрианом, там была Папская резиденция, и еще там была тюрьма... Когда мне было предложено делать выставку именно в этом помещении, я подумал, что нынешнему времени свойственно делать выставки в таких местах, как, например, винзавод, трамвайное депо, почему бы в тюрьме не сделать выставку?.. И я принял это приглашение.

С. А. Алимов показал на видео и прокомментировал рекламный ролик проекта и свою выставку:

Этот рекламный ролик идет на протяжении двух месяцев по итальянскому телевидению, два месяца итальянцы посвятили жизни Гоголя в Риме!

Бахрушинский музей показал интересную выставку Константина Шапиро. Этот художник-фотограф XIX века фотографиями про-

иллюстрировал «Записки сумасшедшего» Гоголя. Они замечательно разместили экспозицию – на разных этажах, разных уровнях.

МХАТ имени Чехова привез спектакль «Старосветские помещики», который имел там успех. Приехал театр Бориса Покровского, исполнили несколько отрывков из опер: из «Носа», «Черевичек», из «Ревизора» Дашкевича.

По случаю открытия состоялся прием в кафе «Греко», именно там, где Гоголь писал «Мертвые души». Улица, ведущая к кафе, была вся в огнях, были зажжены плашки-свечи – для римлян это очень характерно, когда они хотят отметить более торжественно происходящее. Вообще в Риме к Гоголю относятся с какой-то особой нежностью и трогательностью; у дома, где он жил, всегда лежат цветы. Они очень чтят это: такая деталь – в метро постоянно шла реклама гоголевских выставок. Все это было удивительно красиво, и лично для меня останется в памяти на всю жизнь.

Книга «Мертвые души» с моими иллюстрациями вышла достаточно давно, но я и сейчас продолжаю над ними работать – использую метод шелкографии и мои рисунки приобретают новое изобразительное значение. Сейчас делаю шелкографию по «Мертвым душам» и увеличил количество иллюстраций с надеждой, что будет издана книга. Я работаю с издательством «Вита Нова» – они выпускают мою книгу по Салтыкову-Щедрину «История одного города» – и надеюсь, что мы сможем осуществить и проект «Мертвых душ». Шелкография, как и литография, дает как бы новую форму рисунку, она обостряет рисунок, делает его по тону более насыщенным.

А эту иллюстрацию к «Мертвым душам» – Чичиков в коляске – я обычно ставлю на плакаты. В свое время мне трудно было согласиться на эту работу, зная, что над иллюстрациями к «Мертвым душам» работали такие классики, как Агин, Боклевский. Когда я начинал работу, мне надо было отойти от привычных образов, и уже на протяжении почти 30 лет я часто исправляю свои иллюстрации. Художнику свойственно со временем пересматривать отношение к своим работам, и я часто возвращаюсь к старым произведениям.

По моим иллюстрациям был сделан логотип и марка театра имени Гоголя в Москве.

Кроме «Мертвых душ» и «Носа» в Рим я привез рисунки к «Пропавшей грамоте», к «Портрету», «Вечерам на хуторе близ Диканьки», «Ревизору».

В.И. Мильдон, профессор ВГИКа: Я предлагаю для обсуждения две проблемы, потому что они касаются всех, кто занимается творчеством. Первая – что такое художественная мысль

писателя? Мысль, за которую он не отвечает, потому что сам не знает, откуда она у него берется. Это касается всех художников, не только писателей, но и живописцев, актеров, сценаристов и пр. Вторая – как соотносится творчество писателя с его биографией, т.е. с его обыденной жизнью. Если мы хотим понять, о чем думает писатель, кто хочет сказать, то, я полагаю, его биография нас не должна интересовать, поскольку живет он не в биографии, а в творчестве.

С.А. Алимов.
Иллюстрация
к повести «Нос»
Н. Гоголя.

То, что с ним происходит в биографии, – я скажу заостренно, к творчеству не имеет отношения. Биография случайна.

Эти две темы я и хочу вынести на обсуждение. Месяца полтора назад я получил письмо от одного психиатра. Не по моему поводу, – как вы понимаете, с пациентами психиатры в переписку не вступают. Он пишет:

«Здравствуйте, уважаемый профессор Валерий Ильич Мильдон! Я врач-психиатр и психотерапевт. Мы беседовали однажды в перерыве заседания о душевном здоровье Николая Васильевича Гоголя, читал ваши статьи о Гоголе и т.д. и т.д. ...Все психиатры, как ни досадно, считали и продолжают считать Го-

голя душевнобольным, только по поводу диагноза копыа ломают: депрессивный психоз, маниакально-депрессивный психоз, циркулярная шизофрения...» Ну и так далее, три страницы, в итоге он говорит: «Психиатру нечего делать вокруг личности Гоголя, а гениальность нельзя изучать психопатологическими понятиями, таково мое мнение. Если ваши студенты будут читать книги психиатров о Гоголе, то пусть не верят им на слово».

Далее он помещает оттиск своей статьи. Вот и по поводу болезни Гоголя мы можем поговорить, поскольку болезнь это как раз то, что относится к биографии писателя. Был ли Гоголь болен, не был – это нас не касается. У нас есть творчество, которое мы должны с вами изучать.

Главное сочинение Гоголя – «Мертвые души». Что он хотел сказать в «Мертвых душах»? Вот документ, он сообщает Пушкину в 1835 году:

«Начал писать «Мертвых душ». Сюжет растянулся на предлинный роман и, кажется, будет сильно смешон. Мне хочется в этом романе показать, хотя с одного боку, всю Русь».

Из Парижа Жуковскому через год:

«Если совершу это творение так, как нужно его совершить, то какой огромный, какой оригинальный сюжет, вся Русь явится, даже смешно подумать, что я пишу «Мертвых душ» в Париже, еще один Левиафан затевается. Священная дрожь пробирает меня заранее, как подумая...»

Погодину из Парижа, через две недели после письма Жуковскому:

«Вещь, над которой сижу и тружусь теперь, которую долго обдумывал и которую долго еще буду обдумывать, не похожа ни на повесть, ни на роман, длинная, длинная, в несколько томов. Вся Русь отзовется...»

Уже работая над первым томом, Гоголь задумывает продолжение. Я опускаю всевозможные документальные свидетельства этого. Сразу скажу, чтобы сэкономить время: Гоголь задумал роман в объеме трех томов. Первый том он написал, второй том дважды сжигался, но от второго сожжения уцелели копии, сохранившиеся в доме Александра Петровича Толстого (в фильме есть эпизод на эту тему), за третий том он никогда не принимался – ни одной буквы, ни одной запятой от третьего тома не сохранилось.

Что он хотел сделать в этих трех томах? Я полагаю, что если мы хотим что-то понять в жизни художника, нам надо исходить из его творчества, а никак не наоборот, как поступили авторы фильма, который мы только что смотрели, – это заблуждение. Так вот, надо в творчестве искать причину того, что произошло с Гоголем. Был ли он сумасшедшим, не был, от чего умер – от тифа или от другого – это все в творчестве есть, только надо читать и вычитывать. Так вот... он хотел три тома «Мертвых душ» написать: первый том был написан, во втором томе он намеревался изобразить, как Чичиков под влиянием разных обстоятельств задумывается о том, не прекратить ли ему свои непохвальные поступки, связанные с бесконечным воровством и обманом, а в третьем томе Чичиков должен был стать ни много ни мало праведником.

Я полагаю, этому есть некоторые косвенные свидетельства (избавите меня от чтения документов, поверите мне на слово?). Гоголь был первым, кто задумал в художественном творчестве изобразить Христа... Чичикова он хотел изобразить не Христом... конечно, он как православный человек не мог выразить этого прямо, фигура Христа для него была совершенно

недосягаема во всех отношениях, он был глубоко верующим... но он задумал изобразить Чичикова таким праведником, чтобы тот по степени влияния на читателей сравнялся бы с Христом. Зачем ему это нужно было? Он, много живя за границей, частью бывая в Италии, во Франции, в Германии, хорошо знал Европу, и он исходил из убеждения, что западный мир совершенно сгнил, что человечество пропадает, а вот Россия – совсем нет... русский человек обладает такими добродетелями, которые в состоянии спасти и Россию, и весь западный мир от несчастий.

В «Выбранных местах из переписки с друзьями» он говорил: «Еще пройдет десяток лет, и вы увидите, что Европа придет к нам не за покупкой пеньки и сала (сейчас сказали бы нефти и газа – В.М.), но за покупкой мудрости, которой не продают больше на европейских рынках. Я бы вам назвал много таких, которые составят когда-нибудь красоту земли русской и принесут ей вековечное добро...»

Он полагал, что русский человек обладает такими качествами, но он порос коростой всяких неблагоприятных дел, надо эту коросту с него пообчистить. Вот если ему дать образец нравственного поведения в образе Чичикова – как под влиянием самых разных обстоятельств он постепенно превращается из отпетого мошенника в праведника, а потом становится святым, – то тут все русские люди призадумаются и начнут исправляться. А когда все исправятся, тогда Русь исполнит ту самую миссию, к которой ее предназначил Господь, выделив из всех других народов. Я не обсуждаю сейчас, прав он был или не прав, – Гоголь так думал.

В 1844-м году Гоголь читает второй том в доме Сергея Тимофеевича Аксакова. Тот вспоминал, что с большим страхом приступил к слушанию, думая, что лучше первого тома ничего написать нельзя. Но когда Гоголь начал читать первые страницы, он понял, что все его опасения оказались напрасны, – это было что-то неслыханное. И вот летом 1845 года Гоголь «это неслыханное» сжигает.

В «Выбранных местах...» (очень странно, что в фильме, который мы видели, ничего об этом не сказано) он объясняет причину сожжения. Я своими словами передам. Он пишет, что до тех пор, пока сам не станешь праведником, ложью будет все, что выходит из под пера. А второй том «Мертвых душ» он сжигает потому, что не получался Чичиков-праведник. А с Чичиковым-праведником было связано спасение не только России, но, в сознании Гоголя, – всего человечества. Дело так оставить нельзя.

Гоголь решает, что ему не удастся Чичиков-праведник, потому что он сам не праведник. Тогда предпринимается совершенно беспрецедентное в истории мировой литературы событие: он решает стать праведником. Стать с общей помощью. Он пишет «Выбранные места из переписки с друзьями» – текст, с помощью которого он решил исправиться. В «Авторской исповеди», включенной в состав «Выбранных мест», Гоголь пишет:

Педагоги
кафедры эстетики,
истории и теории
культуры – члены
Дискуссионного
клуба

«Чем выше достоинство взятого лица, тем ощутительней, тем осязательней нужно выставить его перед читателем. Для этого нужны все те бесчисленные мелочи и подробности, которые говорят, что взятое лицо действительно жило на свете: иначе оно станет идеальным, будет бледно и, сколько ни навяжи ему добродетелей, будет все ничтожно.»

Вот он, как я полагаю, почувствовал, что так происходит с Чичиковым во втором томе. Ему навязываются добродетели, и потому Чичиков-праведник не внушает того доверия, той жизненности, которую внушал Чичиков-жулик.

Гоголь решает, что все дело в нем; что это он, писатель, недостаточно хорош. В предисловии к «Выбранным местам...» он объясняет замысел книги:

«...Прошу прощения у моих читателей, если и в этой самой книге встретится что-нибудь неприятное и кого-нибудь из них оскорбляющее. Прошу их не питать против меня гнева сокровенного, но вместо того выставить благородно все недостатки, какие могут быть найдены ими в этой книге, – как недостатки писателя, так и недостатки человека: мое неразумие, недомыслие, самонадеянность, пустую уверенность в себе...»

Он просит, чтоб книгу издавали на самой дешевой бумаге, продавали бы по самым низким ценам, чтобы все ее прочитали и написали ему, какой он гадкий человек. Тогда он поймет свои пороки и создаст Чичикова-праведника.

Уже после выхода «Переписки» он признался преосвященному Иннокентию, архиепископу Херсонскому и Таврическому, в том, чего намеревался достичь:

«Я хотел чистосердечно показать некоторые опыты над собой...»

С.А. Алимов.
Иллюстрация
к поэме
«Мертвые души»
Н. Гоголя

Публикация «Выбранных мест из переписки с друзьями» вызвала всеобщее недоумение. Пожалуй, только Чаадаев выразил восторг, написав: горжусь, что говорю на том же языке, на котором написано это произведение. Белинский возмутился, написал незадолго до своей смерти знаменитое письмо Гоголю. Гоголь ответил.

Все, вероятно, знают эту историю. Белинский невероятно жестко пишет это письмо, и, надо сказать, у него были основания для такой жесткости. Другое дело, что Белинский, может быть, не совсем так прочитал, как Гоголь написал, но основания для того, чтобы так прочитать, в гоголевском тексте были. Гоголь с этими основаниями не посчитался, написал очень смиренное письмо в ответ Белинскому: где же вы все это взяли, там этого и нет вовсе... Гоголь был прав, и Белинский прав, оба правы, каждый со своей стороны.

Увидев, что нравственное самоисправление не получается, Гоголь решает совершить поездку ко Гробу Господню в Палестину. Как глубоко верующий человек он исходит из представления, что уж там-то, у Гроба Господня, с ним должно произойти какое-то нравственное потрясение, которое перевернет его и поможет обрести необходимые для понимания души праведника черты, после чего ничто не помешает написать второй и третий тома «Мертвых душ».

На несколько дней Гоголь застревает в Неаполе. Море неспокойно. Он совершенно не переносил морской качки. Ждет, когда стихнет ветер. День, два... не дожидается, сочиняет молитву «Об утешении ветров» и посылает ее домой – матери и сестрам, просит: пусть священник читает эту молитву, пусть не сму-

щается, что это не канонический текст, вас также прошу читать, если будете читать с убеждением, ветер утихнет. Нет документов, подтверждающих, что, действительно, с убеждением читали эту молитву его родные, но ветер утих. Из Неаполя он переправляется в Палестину, приходит ко Гробу Господню, молится там, и потом, обдумывая безутешные для себя результаты паломничества, признается Жуковскому:

«Мое путешествие в Палестину точно было совершено мною за тем, чтобы узнать лично и как бы узреть собственными глазами, как велика черствость моего сердца. Друг, велика эта черствость! ...Я не стал лучшим, тогда как все земное должно бы во мне сгореть и остаться одно небесное» (курсив автора).

Он возвращается в 1848 году в Москву, живет на Никитском бульваре в доме Александра Петровича Толстого. Сейчас там Библиотека Гоголя, сохранилась комната, где был камин, в котором он вторично сжигал второй том «Мертвых душ». С 1848 года по 1852-й он работает над «Мертвыми душами». В январе 1852-го его посещает Л. Арнольди, и Гоголь сообщает, что второй том романа целиком закончен.

Тут я вступаю в область гипотез, документальных доказательств у меня нет, но толкование художественного творчества – всегда гипотеза. Гоголь сжигает рукопись, потому что, вероятно, Чичиков-праведник вновь не получился. Но Гоголь забыл о том, что существовал еще черновой вариант, который за несколько недель до этого он передал Александру Петровичу Толстому для сохранения. С 11 на 12 февраля (ст. ст.) 1852 года он сжег второй том и 21 февраля (4 марта н. ст.) умер.

Была создана комиссия по разбору бумаг почившего писателя, в нее вошел Александр Петрович Толстой, он-то и передал забытый Гоголем вариант второго тома. В его фрагментах (в фильме тоже об этом ни слова, потому что режиссер занимался в основном биографией, а не творчеством) Чичиков задумывается о том, не бросить ли ему воровской промысел и не встать ли на путь праведный:

«Казалось, природа его темным чутьем стала слышать, что есть какой-то долг, который нужно исполнять человеку на земле, который можно исполнять всюду, на всяком угле, несмотря на всякие обстоятельства, смятенья и движенья, летающие вокруг человека».

Гоголь умер не от тифа. Не был он и сумасшедшим. Это даже смешно обсуждать, имеется огромное количество документов, могу их цитировать до восхода солнца. Он не морил себя голодом, Набоков абсолютно не прав в своей книге о Гоголе. А умер он от того, что не получился образцовый Чичиков. Я убежден,

что художник не умрет до тех пор, пока не напишет того, что хочет, смерть подождет. Гоголь увидел, что он не может написать продолжение «Мертвых душ» и что вероятнее всего причина в нем самом. В одном из писем он говорит: «Не писать для меня все равно то же самое, что не жить, не работается – не живется».

Как человек православный он, конечно, не мог покончить с собой. Но мог воспользоваться болезнью. Некоторые полагают,

что он умер от брюшного тифа: мне в свое время приходилось читать суждения медиков на этот счет. Однако повторяю, художники умирают не от болезней, художники умирают от того, что не идет творчество. Раз не идет работа, Гоголь мог захотеть просто не выздоравливать или не захотеть выздоравливать.

Почему умерла Пульхерия Ивановна в «Старосветских помещиках»? Она вообразила, что в виде кошечки, вернувшейся из леса, к ней приходила ее смерть.

«Весь день она была скучна. Напрасно Афанасий Иванович шутил и хотел узнать, отчего она так вдруг загрустила: Пульхерия Ивановна была безответна... <...>

– Что это с вами, Пульхерия Ивановна? Уж не больны ли вы?

– Нет, я не больна, Афанасий Иванович. Я хочу вам объявить одно особенное происшествие: я знаю, что я этим летом умру:

смерть моя уже приходила за мною!».

Она не болела, она умерла, потому что вообразила, что смерть приходила.

Похожий психологический случай происходит в «Портрете». Художник, почувствовав, что пишет сатану, бросает работу недоделанной, уходит в монастырь, молится, совершает всевозможные суровые подвиги. Очистившись от осквернения, он пишет картину на священный сюжет, и монахи, которые приютили его в монастыре, приходят, видят эту картину, где сюжет – рождество Иисуса.

С.А. Алимов.
Иллюстрация
к поэме
«Мертвые души»
Н. Гоголя

«Вся братья поверглась на колена перед новым образом, и умиленный настоящим произнес: «Нет, нельзя человеку с помощью одного человеческого искусства произвести такую картину: святая высшая сила водила твоею кистью и благословенье небес почило на труде твоём».

Гоголь поступал, как персонажи его книг, а не наоборот, и потому, я полагаю, рассматривать жизнь художника надо из его творчества.

И последнее, о чем хочу сказать, зная, что по сей день очень беспокоит вопрос, похоронили ли Гоголя живым или нет. Прочту вам документ, который должен рассеять все сомнения.

В Италии Гоголь познакомился с художником Николаем Александровичем Рамазановым, который сделает посмертную маску писателя. Сделав маску, он напишет письмо поэту и драматургу Кукольнику:

«Кланяюсь, Нестор Васильевич, и сообщаю крайне горестную вещь. Сего числа после обеда прилег я на диван почитать, как вдруг раздался звонок, и слуга мой Терентий объявил, что приехал господин Аксаков, еще кто-то, и просит снять маску с Гоголя. Эта нечаянность так поразила меня, что я долго не мог опомниться. Хоть и вчера еще Островский, бывший у меня, говорил, что Гоголь крепко болен, но никто не ожидал такой развязки. В минуту эту я собрался, взяв с собой моего формовщика Баранова, отправился в дом Талызина на Никитском бульваре, где у графа Толстого проживал Николай Васильевич. Первое, что я встретил – это была гробовая крыша малинового бархата. В комнате нижнего этажа я нашел останки так рано взятого смертью. В минуту закипел самовар, был разведен алебастр, и лицо Гоголя было им покрыто. Когда я ощупывал ладонью корку алебаstra, достаточно ли он разогрелся и окреп, то невольно вспомнил завещание в письмах к друзьям, где Гоголь говорит, чтоб не предавали тело его земле, пока не появятся в теле все признаки разложения. После снятия маски можно было вполне убедиться, что опасения Гоголя были напрасны. Он не оживет, это вечный, непробудный сон. Покинув тело Гоголя, я наткнулся у крыльца на двух безногих нищих, которые стояли на костылях на снегу, подал я им и подумал: «Эти безногие, бедняжки, живут, а Гоголя нет».

Лечили Гоголя, как мы бы сейчас выразились, кремлевские врачи, лейб-медики. Кстати говоря, любопытное обстоятельство... Одним из тех, кто лечил Гоголя, был доктор Овер, которого Николай I попросил признать Чаадаева сумасшедшим. Овер признал, поскольку с властью до сих пор не принято

спорить, но в таких вопросах – живой или мертвый – они разбились, на это их медицинского образования хватало.

Вопрос: Насколько реальна мистика в жизни Гоголя?

В.И. Мильдон: Никакой мистики нет. Мистика означает таинственное. Если не считать мистикой, т.е. чем-то таинственным

сам факт творчества (потому что сам художник не знает, что в нем происходит), все остальное абсолютно реалистично.

М.И. Пущина, зав. лабораторией гуманитарных наук ВГИКа: Когда вы говорили о «Старосветских помещиках», что Пульхерия Ивановна умирает... но она не сама умирает – Гоголь подводит ее к смерти, его авторская воля первична. А вы говорите, что не персонаж действует по его воле, а Гоголь живет так же, как его персонаж. Он может жить так же, но они действуют в соответствии с его замыслом.

В.И. Мильдон: Вы частично правы. Частично вот в каком отношении. В соответствии с его за-

мыслом – да. Но он всех последствий того, что выходит из его рук, не знает, и результатов своего замысла не контролирует.

В.А. Утилов, профессор ВГИКа: Первым делом, я хочу поблагодарить Валерия Ильича Мильдона за его задиристое и, как всегда, дискуссионное вступительное слово – теперь даже при желании заседание не превратится в тоскливое «галочное» мероприятие. С другой стороны, это выступление обязывает немедленно вступить в дискуссию.

Валерий Ильич (конечно, в шутку) выдвинул две идеи, к которым хорошо бы вернуться: «... художественная мысль писателя – это мысль, за которую он сам не отвечает, потому что сам не знает, откуда она у него берется. Это касается всех художников, не только писателей, но и живописцев, актеров, сценаристов и пр., пр.».

С.А. Алимов.
Иллюстрация
к поэме
«Мертвые души»
Н. Гоголя

Второе – как соотносится мысль писателя, его творчество с биографией, т.е. с его жизнью обыденной. «Если мы хотим понять, что писатель имеет в виду, о чем он думает, что хочет сказать, то я полагаю, нас биография его совершенно не должна интересовать, поскольку живет он не в биографии, а в творчестве».

«То, что с ним происходит в биографии, – я скажу заостренно, но это так – это к творчеству никакого отношения не имеет. Биография случайна».

Художественная мысль, а точнее творческая интенция, действительно может прийти случайно (вспомним слова И. Бергмана о рождении замысла будущего фильма), но сама-то она никак не случайна. Это же результат всего предыдущего творческого опыта и жизненного движения художника.

Во-вторых, как это процесс творчества не имеет к жизни, к реальности никакого отношения? Своим дальнейшим выступлением Валерий Ильич убедительно доказал, что и биография Гоголя, и его творческая судьба никак не случайны. Да и вообще, жизнь художника всегда связана с его творчеством – прежде всего это его внутренняя жизнь, которая не всегда и не обязательно проступает наружу в повседневном существовании. Сам Валерий Ильич вряд ли уверен в бесспорности им сказанного. Зато для взгляда на Гоголя в небанальном и современном ракурсе этот зачин очень полезен.

В средней школе творчество Гоголя пытались делить полойно – Гоголь-фольклорист («Вечера на хуторе близ Диканьки»), Гоголь-сатирик («Ревизор», «Женитьба», «Нос», «Записки сумасшедшего»), Гоголь – автор «Мертвых душ» – русского эпоса XIX века. А «Выбранные места из переписки с друзьями» полвека назад считались бредом религиозного маньяка и исключались из реестра гоголевского творчества. Как и «Размышления о Божественной литургии», которое просто не упоминалось. Получается, что творчество писателя и его жизненный поиск (то есть его жизнь) связаны до того неразрывно, что подчинены одной цели, одному неутолимому и недостижимому стремлению (поиск нравственного идеала и смысла бытия), которое не вписывалось в стандарты социологического мышления и делало неизбежной стыдливу ретушь творчества писателя. Причем первыми ретушерами оказались Белинский и его последователи. Идеологическая «нетерпимость» одержала верх над добросовестным отношением к автору и стремлением понять его мотивы.

Валерий Ильич постарался реабилитировать и Гоголя, и «Выбранные места», и это правильно, справедливо. Хотя все-таки

получается, что неистовый поиск идеала, никак не достижимого в реальности (скорее наоборот), завел писателя в патовую ситуацию и заставил его сжечь вторую часть «Мертвых душ». Более того, Валерий Ильич предположил, что фактически писатель пережил внутренний слом, потерял желание жить – столь сильна была потребность выразить в образах христианский идеал и столь велико его разочарование: материал воспротивился замыслу. Предположение это имеет право на жизнь, как и любая другая научная гипотеза (обывательские пересуды и наросты вокруг фигуры Николая Васильевича Мильдон справедливо отбросил), но и достоверность его никому не подтвердить, и внутренний пафос его (все-таки горение огнем христианской веры «погубило» Гоголя) слишком идеологизирован. Сегодня мы можем взглянуть на жизнь писателя в другом (и мне кажется, более плодотворном) ракурсе.

Прежде всего, сегодня, в дни разъединения, украинец по рождению и безоговорочно русский по духу, Гоголь остается одним из самых великих и необходимых нам имен и творцов – как символ единого духовного пространства нашей страны. Поэтому-то его и пытаются пинать сверхпатриоты в Киеве. Так было и раньше. Я помню, как по коридорам ВГИКа (тогда я был на втором курсе) ходил один из старшекурсников, причесанный под Гоголя и даже похожий на него (называть его не будем – это очень известное имя), и яростно называл Гоголя «предателем украинского народа». Эпизод этот (один из многих за полтора века) и характерен, и иллюстрирует бесплодность желаний развести украинскую и русскую культуру. Да, Гоголь русский писатель, настолько русский, что далеко не все в его наследии понятно и понято на Западе.

Вполне возможно, что у некоторых авторов мысль, ради которой они берутся за перо, кисть или кинокамеру, приходит случайно, но этого никак не отнести к Гоголю. Кузнец Вакула расписывает церковь, чтобы очистить душу после своих приключений в Рождественскую ночь. Даже справедливая и тысячу раз оправданная месть обрекает душу на отчуждение от Бога, и мотив преображения души, выстраданный Гоголем в его личной жизни, не мог не вылиться в поиск героя, чей путь олицетворял бы и торжество добра, и надежду на преображение России.

Хотя преображение личности – вечная тема искусства. Иногда она оборачивалась пропагандой и идеологическим штампом, иногда – художественным провалом и совсем редко – торжеством художника. Шекспиру повезло с его принцем Гарри в «Генрихе V». Алеша Карамазов у Достоевского все-таки получился «бледнее» Ивана и Дмитрия, и даже Феллини после «Дороги», где слезы Дзампано рождены не раскаянием, а импульсивным ощу-

щением своего ничтожества перед Вечностью, пережил неудачу «Мошенников»: идея (нравственное перерождение Аугусто) не нашла адекватного образного воплощения. Причем Феллини долгое время искал своего героя в жизни, казалось бы, нашел его и... потерпел поражение. Виртуально-рациональная победа добра не принесла и не могла принести художественного плода. Зато через два года после «Мошенников» появляются «Ночи Кабирии», где мечта о перемене участи, об обновлении души оборачивается крахом. Дай Бог хотя бы сохранить свою грешную, но чистую душу! Печально, но не оставляет равнодушным даже душевно холодного зрителя 50-х годов.

Что касается Гоголя, то даже самое поверхностное знакомство с «Выбранными местами из переписки с друзьями» делает неуместным тезис об отсутствии связи между творчеством художника и его биографией. Николай Васильевич сознательно и целеустремленно искал свой путь к Богу и перенес этот поиск в свои творения. Столь сознательно, что сжег вторую часть «Мертвых душ». Если попробовать ответить на вопрос – «почему не получилось», можно начать с другого вопроса: «а был ли духовный поиск писателя, его жизненный путь типичен для русского общества?» Ответ не представляет проблемы – типичен не был. В своем религиозном максимализме Гоголь был одинок, его требовательная вера могла лишь породить (и породила) обвинения в фанатизме или подозрения в состоянии рассудка. И если искать фигуру художника, который также жил и страдал темой одиночества в бездуховном мире, параллели очевидны – французский кинорежиссер Робер Брессон с его «Записками сельского священника» и «Мушкет».

Разница, однако, в том, что фильмы Брессона, как и его тоска по жертвенному и деятельному подвигу, рождены атеистическим XX веком. Драма же Гоголя свидетельствует о приближающемся веке богоборчества в атмосфере внешнего торжества Православия. Может быть, русский писатель слишком опередил время, слишком точно поставил диагноз («МЕРТВЫЕ ДУШИ»), но ведь и в середине XX века у Брессона – немного сочувствующих, недаром же ярлычок – «Янсенист французского экрана!» Стоит ли удивляться тому, что западный читатель, а позднее и зритель, фактически не знакомы с главным в творчестве Гоголя – с криком его души: он же звал к Христу, а мир от него уходил...

Я сказал бы, что творчество Гоголя современно именно потому, что им поставлена проблема нравственного пути человека. Не берусь оценивать статью в интернете, автор которой утверждает, что «Выбранные места» – лучшая книга Гоголя.

С.А. Алимов. Иллюстрация к поэме «Мертвые души» Н. Гоголя

Но эта работа действительно суммирует и творческий путь, и жизненный подвиг писателя и предлагает ключ к пониманию трагедии «Мертвых душ», да и других его произведений, зачастую так и не понятых или понятых только частично.

Так, одной из самых значительных по мысли и по сути непрочитанных вещей Николая Васильевича является его «Портрет», о котором сегодня уже упоминали. Один из наиболее значительных режиссеров дореволюционного кинематографа Владислав Старевич взялся за его экранизацию в 1915 году, но картина осталась незаконченной. Когда я был студентом 1-го курса, мне поручили восстановить картину или хотя бы последовательность повествования. Поскольку в «Госфильмофонде» сохранились только фрагменты (примерно половина сюжета), удалось только второе. Полагали, что недостающие эпизоды утрачены в годы революции и Гражданской войны. Тем более что Старевич уехал во Францию и в ответе на наше обращение не смог вспомнить деталей, связанных с этой работой.

Между тем этот рассказ Гоголя – попытка поведать о художнике, который чуть не погубил свой талант, потакаая вкусам элиты и в безумном желании уничтожить грань, разделяющую искусство и реальность. Как известно, опубликованный Гоголем вариант отличается от задуманного: Чертков переживает тяжелейший духовный кризис, уходит в монастырь и там, пройдя испытания, он начинает понимать истинное назначение искусства – служить Богу. Это очень сложный вопрос. А можно ли решить эту проблему: служить Истине, Богу, красоте, не будучи религиозным?

Здесь говорили о мистике – предмете многих спекуляций в адрес Гоголя. Но случайно ли остался незаконченным фильм Старевича, или режиссер интуитивно ощутил компромиссность сюжета в официальной версии рассказа?

Теперь что касается моей темы – Гоголь на западном экране. Я нашел в интернете список фильмов по Гоголю (и отечественных, и зарубежных). Привожу цифры: за все годы (начиная с 1908) поставлено 33 картины. Не так много. По Чехову больше. По Толстому гораздо больше. Из 33-х 29 поставлено в нашей стране, на Западе – всего 4. Плюс семь анимационных фильмов, включая работы уникального мастера А. Алексева. Возможно, список в интернете неполон, но кое-какие выводы сделать нетрудно. С одной стороны, Гоголя на Западе действительно знают. В 20-е годы в Англии великий Чарлз Лаутон играл на сцене в «Ревизоре», играл Осипа. Не менее известный и столь же великий Алек Гиннесс играл Хлестакова, правда, уже лет 20 спустя.

Сатира Гоголя понятна везде, тем более в годы увлечения русским театром и русскими актерами и режиссерами (М. Чехов – в США, Ф. Комиссаржевский – в Великобритании). Что касается фольклорных мотивов, здесь – все сложнее. Слишком уж национальный художник Гоголь. Вспоминаю, как много лет назад в Болгарии я смотрел фильм Бинки Желязковой «Аэростат». Помню, зал хохотал, я же не мог понять абсолютно ничего. Это была, как мы потом говорили с моими друзьями, абсолютно болгарская вещь, совершенно непонятная иностранцу. Творчество Гоголя во многом универсально и включает в себя моменты, действительно, общечеловеческие. Тем не менее это настолько национальное искусство, это настолько специфический тип восприятия мира и художественного мышления, что западные режиссеры и не пытались брать за «Вечера на хуторе близ Диканьки».

Религиозные мотивы Гоголя Западу глубоко чужды. Что касается элементов сатиры, моментов общечеловеческих, то с ними связаны все четыре фильма, которые там были поставлены: два из четырех – в Италии, один сделан американцами, один снят в Югославии на американские деньги. Интереснее всего два итальянских фильма, которые не являются иллюстрациями к Гоголю, а основаны на преломлении мотивов его творчества. Это «Шинель» Альберто Латтуады. Известнейшая тема, ее отголоски можно найти у немцев в «Последнем человеке», можно назвать другие фильмы. Латтуада поставил свой фильм в 1952 году, в канун прощания с неореализмом. И все же... хотя режиссера никогда не считали неореалистом, картина его, по сути, по духу – неореалистическая: это противопоставление верхов и низов, богатых и обездоленных, это история одинокого человека в безразличном мире. А именно об этом – об одиночестве в мире – фактически кричал Гоголь.

Любопытно, что Латтуада соединяет в одном фильме мотивы, взятые из «Ревизора», «Мертвых душ» и, конечно, ситуацию самой «Шинели». Пусть это итальянская «Шинель», другой герой, пусть это только мотивы, но они пронзительны. И когда в финале тень героя срывает шинели с прохожих (это месть за равнодушие), понимаешь, что Гоголь поставил одну огромного масштаба и трагизма проблему – как остаться в этом мире человеком? – как раз поэтому он и современен. Разве Чичиковы сегодня не ходят между нами, разве они не торгуют мертвыми душами, да и все ли мы «живые души» вообще? Я думаю, поэтому Гоголь и актуален сегодня, поэтому он и останется великим представителем нашей культуры и нашего искусства. Я ответил не на все вопросы, затронутые уважаемым Валерием Ильичом. Не хочу утверждать,

что мои рассуждения можно считать ответом. Слишком велик Гоголь, слишком непонятен для многих и сегодня его путь, чтобы мы могли успокоиться, не спорить и не сомневаться.

В.И. Мильдон: Хочу прочесть вам небольшой кусочек. После смерти Гоголя Тургенев писал Аксакову: «С тех пор, как я себя помню, ничего не произвело на меня такого впечатления, как смерть Гоголя. Трагическая судьба России отражается на тех из русских, кои ближе стоят к ее недрам. Ни одному человеку, самому сильноному духом, не выдержать в себе борьбу целого народа. Гоголь погиб. И право, кажется, что он умер потому, что решил умереть».

В.А. Утилов: Тут нет ничего, с чем я не мог бы согласиться. Потому что жизнь может сломать кого угодно, а нести на себе судьбу всего народа и всей страны – это не дано никому.

В.И. Мильдон: Он, конечно, хотел народ переделать...

В.А. Утилов: А народ менять не надо. Куда ты несешься, Русь-тройка!

Н.Е. Мариевская, ст. преподаватель ВГИКа: Поскольку речь зашла о народе, хотелось бы сказать о недавно прошедшем во ВГИКе конкурсе сценариев. Присланные работы поразили. Поразили тем, что мы там не увидели ни Серебряного Серфера, ни Человека-паука, ни одного супергероя. Основная масса сценариев посвящена тому самому маленькому человеку, о котором писал Гоголь. И здесь возникают вопросы: почему получалось у Гоголя говорить об этом волнующе и интересно, почему Гоголя интересно читать и почему неинтересно читать эти сценарии, где проследивается удручающее однообразие при таком пристальном, чрезвычайно скрупулезном внимании к деталям. Причем ни одного из авторов нельзя заподозрить в том, что они хотят преподнести чернуху. За всем этим стоит искренняя взволнованность очень молодых людей. Почему получается у Гоголя, получается у неореалистов, получалось у Феллини, у многих кинематографистов говорить об этом ярко и интересно, а вот у нас не получается? И в этой связи у меня возникло размышление, которое можно было бы назвать «Об особой динамике сюжетов Гоголя».

В известной работе «Как сделана «Шинель» Гоголя» (а, в общем-то, проблема в этом) автор говорит о том, что сюжет у Гоголя статичен. Я могу прочитать эту цитату, но, думаю, все помнят, что вся соль, вся динамика, весь интерес – в языке. Эйхенбаум проводит анализ аллитерации, анализ юмора у Гоголя, но при этом говорит, что сюжет статичен. В этом, мне кажется, некое ядовитое заблуждение. Ядовитое, главным образом, для кинематографистов, для тех, кто пытается говорить о маленьком, о том, что кажется маленьким. Мне кажется, что сюжет «Шинели» симметричен сюже-

ту «Мертвых душ». Симметричен в том смысле, что там уже есть абсолютно гармоничный персонаж Акакий Акакиевич. Он совпадает с замыслами судьбы полностью. Это вообще редкий пример в литературе. Вся процедура его имянаречения, его определения в должность с младенчества, и, кроме того, абсолютное его счастье в этом качестве... Человек, который

С.А. Алимов.
Иллюстрация
к поэме
«Мертвые души»
Н. Гоголя

ест говядину с луком, торопливо глотает свой обед и, счастливый, бежит заниматься перепиской для души. И динамика тут такая: вдруг возникает возмущение, которое, вовсе, конечно, не в печали о зиме и о шинели, а в том, что сам Гоголь называет духовным событием. Возникает динамика духовного роста. Здесь – движение от космоса к хаосу. Мне кажется, в таких амплитудах и мощной динамике – чудо гоголевского сюжета, то, что так трудно поймать. Сюжет о человеческом достоинстве, который стоит за мелочами, за этим клочочком сенца, прилипшем к капоту, в этом – явление, и это трудно делать. Из кинематографистов это, может быть, очень остро понимал Тарковский. Когда он делал после «Соляриса» «Сталкер», говорил, что нужно убрать всю эту сложность и сделать очень просто, чтобы поверили,

что это рядом с нами. Но опять-таки, когда формулируешь сюжет, речь идет о человеческом достоинстве.

Г.А. Меркулов, продюсер фильма «Гоголь: портрет загадочного гения»: Хотел бы сказать вещи крамольные, наверное, для продюсера. У меня есть масса вопросов к нашему фильму, и я им недоволен. Столкнувшись с этим опытом, задумываешься, что, наверное, невозможно создать фильм, где получится объяснить и жизнь, и творчество Гоголя. Мы дали возможность режиссеру попытаться это сделать. Вначале это был масштабный проект, задумывалось пять серий, потом все сокращалось – удачно или неудачно, – другой вопрос. Во многом помешало состояние здоровья автора фильма: Дмитрий Иванович Демин был болен. Мы с ним до этого делали документальный фильм о Курской-Куренной иконе, он чувствовал себя тогда более-менее. В процессе работы над фильмом о Гоголе его болезнь стала развиваться усиленно, и он многое не смог снять. Мы договорились – я в творческий процесс не вмешива-

юсь вообще, это стало камнем преткновения, камнем разногласий и с телевизионными каналами, и с рядом партнеров. Фильм – полностью режиссерская версия. Здесь говорилось, что нет связи между Гоголем и мистикой. Может быть, это бытовая мистика: когда мы снимали, у нас не пропало ни одного съемочного дня. Кинематографисты знают, что такое бывает нечасто. Когда, например, ехали в Израиль, там были дикие грозы, ливни, наводнения, ужасное что-то творилось. У нас было всего два съемочных дня. Когда приехали, наступила солнечная погода, мы отработали два полных дня. А когда улетали, снова началось безобразие. В Венеции это длилось один день. Ехали туда в полный дождь и грозу, приехали – солнечная погода с самого утра, вечером мы все закончили, свернулись, и пошел дождь. Мистические вещи на уровне группы: у меня, например, во время съемок сторел дом, из Венеции я вернулся с шестью шрамами на лбу, мне здесь тяжело связать – кого мы прогневали или нет, но какое-то время я боялся продолжать работать... Эта картина – повод к размышлениям, к разговору.

Н.Б. Маньковская, профессор ВГИКа: Мне хотелось бы задать вопрос вам и одновременно всей аудитории. Мы говорим об интерпретациях произведений Гоголя в кино, в других экранных искусствах, в том числе и на телевидении. Наверное, большинство участников дискуссии видело сделанное к юбилею Гоголя: фильм И. Золотусского – о биографии, о творчестве, проект Леонида Парфенова «Птица-Гоголь». Как вы оцениваете эти фильмы и что думает по этому поводу аудитория? Насколько они удались?

Г.А. Меркулов: Если коротко... Так же, как и наш фильм: мне не понравился ни фильм Золотусского, ни фильм Парфенова.

А.Н. Золотухина, профессор ВГИКа: Достоинством обеих телевизионных работ является стремление авторов показать доселе неизвестные стороны жизни творчества Николая Васильевича Гоголя. Это, несомненно, авторские работы. И концепции, и обзор материала (ведь авторы располагали недоступными ранее текстами), и его экранное изложение предполагают вовлечение зрителя в серьезный разговор о писателе. Так, каждая из 10 серий художественно-документального фильма «Оправдание Гоголя» посвящена определенному этапу жизненного пути писателя. Автор сценария и ведущий – Игорь Золотусский. В свое время появление его книги о Гоголе вызвало огромный интерес. Стремясь к внимательному прочтению отрывков из гоголевских произведений (актер А. Девотченко), рассказывая о пребывании писателя на Украине, в Санкт-Петербурге, Италии, Иерусалиме, автор сосредотачивает внимание на духовном восхождении Гоголя.

Леонид Парфенов, назвав двухсерийный фильм «Птица-Гоголь», обозначает способ художественного заострения, его интонацию. Дорога, движение, постоянное стремление писателя к перемене мест, к путешествию. Л. Парфенов, используя со-

временные компьютерные средства и сам находясь в центре повествования, вовлекает зрителя в занимательное путешествие по городам и весям, по страницам гоголевских произведений, используя фрагменты из экранизаций, спектаклей, тщательно воссоздавая интерьеры домов, где бывал Гоголь, предметную среду, множество деталей и подробностей из его произведений. Фильм

отличает динамичность, зрелищность, ритм, но и некоторая перегруженность событиями, материалом. Некогда подумать, поразмышлять... летит Птица-Гоголь.

Г.А. Меркулов: Хочу два слова сказать в защиту нашего фильма. Если вы заметили, там практически нет авторского текста. Это была попытка собрать высказывания самого Гоголя, воспоминания современников, чтобы мы могли оценить это как прямую речь. Другой вопрос – насколько это удалось.

О.Н. Купцова, доцент ВГИКа: Почему не удались телевизионные фильмы? Я думаю, что к ответу на этот вопрос нужно подключить другой материал. Ведь по сути в этом сезоне не удался и юбилейный театральный фестиваль. Может быть, сейчас не время художественного освоения Гоголя? Ведь не всегда юбилей совпадает с нашей готовностью принять и понять художественный мир писателя. Возможно, мы находимся внутри эпохи аналитического освоения Гоголя: гоголеведы пытаются снять всяческие «мифологии», которые накопились по его поводу в науке. Хоть и медленно, но идет работа над новым академическим собранием сочинений Гоголя. Выходят десятки монографий. В этом году прошла ежегодная конференция «Гоголевские чтения» в московской библиотеке им. Н.В. Гоголя. Затем была конференция в Кракове, посвященная Гоголю и его времени. В Кракове Гоголь никогда не был, это не формальная привязка. Просто краковские слависты захотели посвятить большую международную конференцию русскому писателю. Затем была конференция в Риме, как раз приуроченная к той общей программе, о которой сегодня говорилось. В России прошла огромная конференция (такой не

было даже в пушкинский юбилей), она длилась шесть дней – три дня в Москве, три дня в Петербурге. Ее организаторами были кроме Санкт-Петербургского университета, Института мировой литературы РАН, Пушкинского дома еще и Александринский театр, в ней участвовали более 150 исследователей из 15 стран. И, наконец, конференция, только что закончившая свою работу в Будапеште, была посвящена восприятию Гоголя в XX веке.

А «гоголевское» театральное время прошло чуть раньше – где-то на рубеже XX–XXI веков. Лучшие недавние спектакли по Гоголю состоялись в 1999–2001 годах. Уверена, что это связано с нашей общей историей, с нашим социокультурным состоянием. Речь идет не только о спектаклях российского театра: одним из первых спектаклей, переведших драматургию Гоголя на современный театральный язык, стал спектакль Маттиаса Лангхоффа «Ревизор» (немецкий режиссер работал над ним сначала с французскими, а потом с итальянскими актерами), а на русской сцене – это спектакли Валерия Фокина, весь его гоголевский цикл («Шинель» в «Современнике», «Ревизор» и «Женитьба» в Александринском театре).

Т.В. Михайлова, доцент ВГИКа: О фильме никто доброго слова не сказал. По-моему, это несправедливо. При всех его недостатках, мне было интересно смотреть. Хотя многие факты, которые там приводились, я знала, но в процессе просмотра фильма у меня возникла именно та мысль, которую Валерий Ильич потом высказывал в докладе. Мысль о том, что Гоголь хотел вначале показать хаос, а потом сотворить космос, но не получилось, там присутствует, поэтому никакого особенного противоречия между тем, что показано в фильме, и тем, что здесь говорили, нет. Тем более что я за диалектику и рассматривать, что первично – курица или яйцо, биография или творчество, – по-моему, бессмысленно. Нельзя разделить дух и тело. Жизнь и творчество нельзя «резать ножом» посередине. Человек не может творить и не жить.

Г.А. Меркулов: Я с удовольствием послушал всю критику, так же, как и выслушал критику Воропаева и Золотусского. Обидной была не критика, а ответы каналов, таких как «Россия» и ТВЦ, официальные ответы: этот фильм может подходить для фестивалей, для культурных просмотров (вот мы в Италию уже трижды ездили с этим фильмом), но для каналов это – «не формат».

Н.Б. Маньковская: Я хотела спросить Ольгу Николаевну Купцову, так как она была на многих конференциях. Может быть, вы расскажете о тех новых, нетрафаретных идеях, которые там высказывались?

С.А. Алимов.
Иллюстрация
к повести «Нос»
Н. Гоголя

О.Н. Купцова: Коротко сказать об этом сложно. Разговор о Гоголе на этих конференциях шел сразу по нескольким направлениям. Многие казались новым и интересным. И фактографические моменты, по-другому освещающие биографию писателя, исходя из которых можно иначе анализировать его произведения; и спорные вещи, связанные с духовными поисками Гоголя: эта тема ранее замалчивалась, а сейчас представляет настоящее «минное поле», здесь разворачиваются самые ожесточенные споры. Много интересного связано с фольклорными корнями гоголевского творчества. Много свежего в подходе к проблеме: Гоголь и зрелищные искусства. По каждому направлению можно было бы говорить долго.

Н.Б. Маньковская: У нашей дискуссии есть перспектива.

О.Н. Купцова: На нашей кафедре состоится продолжение этой дискуссии. В Будапеште я только что сделала доклад «О ревизии «Ревизора»» – это еще одна попытка разобраться в постановке Мейерхольда, его спектакле 1926 года в ГОСТИМе. Приглашаю всех на этот доклад, тем более что он будет иллюстрирован фотографиями Моисея Соломоновича Наппельбаума – известного фотографа 1910–1920-х годов, проводившего студийные съемки мейерхольдовского спектакля. ■

В заседании клуба участвовали: А.В. Новиков, профессор; В.И. Мильдон, профессор; В.А. Утилов, профессор; А.Н. Золотухина, профессор; Н.Б. Маньковская, профессор; О.Н. Купцова, доцент; П.Е. Спиваковский, доцент; Т.В. Михайлова, доцент; М.А. Ростокская, доцент; Н.Е. Мариевская, ст. преподаватель; Г.А. Меркулов, продюсер.

Некоторые аспекты мифологической реальности

О.А. Чижевская

Статья написана по материалам прошедшего во ВГИКе в апреле 2010 года Дискуссионного клуба «Парадоксы художественной культуры», посвященного теме «Кино между мифом и реальностью». В ней рассматриваются вопросы, связанные со сферой мифотворчества, проблемами понимания и восприятия мифа, исследуются свойства мифологического пространства и его формы, сравниваются подходы к осмыслению мифов в западноевропейской и восточных культурах.

АННОТАЦИЯ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

миф, мифологическая реальность, искусство, кинематограф, культурология

¹ «Возвращение: Диптихи. Дорога. М.: Логос, 2007. С. 76.

«Миф ставит перед нами зеркало, а мы воображаем, будто видим сквозь него»¹, – писал в своей работе «Диптихи» испанский священник Закариас Марко. И сегодня желание вновь и вновь заглядывать в это зеркало не покидает деятелей науки и искусства. О мифе написано немало книг, это чрезвычайно развитая сфера научной теории. Считается, что миф управляет нашей жизнью и пронизывает чуть ли не все сферы человеческой деятельности. Что же касается кинематографа, то здесь он обладает исключительно значимой мифотворческой силой, и данная тема является для него ключевой. В отличие от других искусств, кинематограф предоставляет нам возможность увидеть миф в действии, ощутить себя в параллельном пространстве и получить с его помощью экзистенциальный опыт. «Фильм – это пристальный мифологический взгляд на человеческую жизнь», – считает режиссер Андрей Звягинцев. А существует ли граница между мифом и реальностью в искусстве?

Этот и множество других вопросов, связанных с пониманием мифа, его природы и роли в нашей жизни и в искусстве, стали предметом обсуждения круглого стола, прошедшего во ВГИКе в рамках Дискуссионного клуба «Парадоксы современной художественной культуры». Участники дискуссии, научные сотрудники ВГИКа, других высших учебных заведений, полемизировали об имеющихся в данной области научных исследованиях, стремясь, насколько это возможно, выявить основополагающие критерии возникновения мифа и представить объемный взгляд на мифотворческую сферу кинематографа.

Темы заседаний дискуссионного клуба «Парадоксы современной художественной культуры», состоявшихся в 2010 году:

- «Художественные границы современного искусства»
- «Чехов – наше все»
- «Наука и искусство на телевидении и в кино: культурные парадоксы»
- «Кино между мифом и реальностью»
- «Кино и религия»

В заседаниях принимали участие выдающиеся деятели культуры, известные ученые, педагоги, аспиранты и студенты университета.

Следите за информацией о работе клуба на сайте университета: www.vgik.info